

Встреча
с Михаилом
ШОЛОХОВЫМ

СВЕТ ДОБРОТЫ

Трудно проехать и не остановиться на высоком Базковском бугре, откуда распаивается вдруг неоглядное Обдолье: пойменные леса, голубая мерцающая лента Дона, меловые горы правобережья, хутора и жаркая степь, задымленная текучим маревом. И прямо перед глазами — Вешенская.

Здесь, в этой старинной казачьей станице, уже почти 60 лет он живет и трудится, покорив читающий мир своими горячими, неистовыми, неумирающими, как степной цветок бессмертник, книгами.

Вместе с первым секретарем Вешенского райкома партии Николаем Александровичем Булавиным идем по станичной улице. Во дворе шолоховского дома отцветает сирень, теряют пух тополя. Из глубины сада доносятся приглушенное воркование голубков. Неожиданно высоко и чисто берут колено соловьи. Михаил Власович Коньшин, секретарь Шолохова, выходит навстречу:

— Михаил Александрович ждет вас.

На секунду он задерживается у двери, кивает головой вверх: посмотрите. Прямо над дверью свила гнездо мухоловка.

Поднимаемся на второй этаж в кабинет Михаила Александровича.

Хозяин сидит в кресле с мундштуком в руке, светлые глаза его быстро и цепко оглядывают гостей. Жестом приглашает садиться.

Разговор начинается с вопросов хозяйственных; Булавин говорит о состоянии озимых, о видах на урожай, об угрозе южных суховея,

о затажной жаре, о трудностях в животноводстве. Шолохов внимательно слушает, ему хорошо знакомы хозяйству Верхнего Дона. Как депутат Верховного Совета СССР он многое сделал для их развития и укрепления. Множество ходатайств, просьб, предложений написано им в различные министерства и ведомства.

В мундштуке новая сигарета. Михаил Александрович интересуется буквально все: новости культуры в Ростове, развитие личных приусадебных хозяйств, состояние пойменных лесов Дона и малых степных речек. Рассказываю о том, что в соседнем, моем родном Кашарском районе малые речки мелеют.

— Мы тут сами виноваты, — говорит Булавин. — Мало того, что не закрепляем склоны балок, берега ериков, а зачастую распаиваем ближе некуда. В этом вся беда.

— Это так, — голос Михаила Александровича строг.

Говорим о Лебяжьем яре, где донская вода родниковой свежести и чистоты.

За эту чистоту пришлось повоевать Михаилу Александровичу. Во-первых, по его ходатайству Министерство лесного хозяйства РСФСР установило лесозащитную зону у берегов Дона. А во-вторых, запрещено передвижение по реке «ракет».

— Я помню, на Урале беседовал с одним стариком, старожилом, — говорит Михаил Александрович. Голос его нетороплив, чуть приглушен. — Он рассказывал, что раньше, во времена нереста осетровых, в реке Урал за-

прещали купаться, чтобы не спугнуть рыбу. Специальные команды были, следили за этим.

Из окна кабинета через верхушки тополей виден Дон. Посередине — большой письменный стол, за которым работает Шолохов. Стол завален книгами, стопками бумаги. Очень много писем.

Вот письмо шофера, работника ВДНХ Киргизской ССР У. Джамгыргиева: «Дорогой Михаил Александрович! Меня побудило написать вам чтение «Судьбы человека». Я не мог сдержать слез, когда читал этот рассказ, особенно в том месте, где Андрей Соколов встречается Ванюшкой и усыновляет его. У меня самого растут дети один другого меньше, и не дай бог, чтобы война сиротила наших детей! Не дай бог повториться этому!».

А вот взволнованные строки от совсем молодого человека комсомольца Альберта Хузина из поселка Озерного Житомирской области: «Дорогой Михаил Александрович! Мне 16 лет. Когда прочитал «Поднятую целину», стало стыдно за себя, за некоторых своих одноклассников, за то, что мы еще не умеем по-настоящему любить свою землю, не умеем радоваться хорошему урожаю, свежему хлебу, рассвету».

В. Щепетнов, геолог из Нижнего Тагила, уроженец Дона, пишет: «Дорогой Михаил Александрович! Недавно вновь перечитал «Тихий Дон». И грустно стало, словно расстался с близкими и дорогими людьми. Читал медленно, долго, будто заходил в мелеховский ку-

рень посидеть, поговорить, узнать хуторские новости».

Пишут и те, кто совершил ошибку в жизни. Одно из последних писем: «Загладить свою вину перед народом очень трудно. Трудно ее загладить перед друзьями, родственниками и — никогда, наверное, перед собственной совестью. Письмо писать вам очень долго не решились. Вам, чьи произведения проникнуты такой любовью к Родине, в чьих книгах столько ярких героев, которые, рискуя жизнью, не давали посягнуть на государственное добро, несмотря на свою нужду, холод и голод. Писать письмо вам очень стыдно. Но честным трудом здесь, примерным поведением мы стараемся искупить свою вину».

О кровной связи писателя с родной землей, о его глубоких корнях пишет в своем письме ветеран Великой Отечественной войны из города Кременчуга Полтавской области Д. Безручко: «Меня всегда радовало то, что вы, великий писатель современности, живете среди своих героев в станице Вешенской, не отрываетесь от них. А ведь сейчас пошла такая болезнь, что ли: как только приняли литератора в Союз писателей — так он и рвется в столицу. А в столице-то он, может быть, и не видит ничего, кроме асфальта».

К Шолохову обращаются и за советами, и с просьбами.

Ежедневно станичный почтальон приносит в дом от 30 до 50 писем. В них выражаются поистине всенародная любовь и признание ве-

ликому сыну России Михаилу Шолохову.

Донскую землю часто называют шолоховской. Люди гордятся своим знаменитым земляком, своей причастностью к этой земле. «Когда я прочитала ваши книги, — пишет ростовчанка Г. Заболотная, — у меня появилось чувство гордости за то, что я родилась и выросла на донской земле».

Посмотрев письма, снова включаюсь в беседу. Показываю привезенную с собой фотографию, на которой оживленно беседуют Шолохов с Буденным.

— Михаил Александрович, где сделан снимок? В Москве или в Ростове?

Он внимательно рассматривает фотографию, удивляется:

— Я и не видел такой...

Помолчал и ответил на вопрос неожиданно:

— Пол не московский.

И добавил в раздумье:

— Буденный был велико-

лепным рассказчиком. Каждая встреча в Вешенской поражает остротой ума этого человека, цепкостью памяти, обаянием открытой, светлой улыбки. Каждое слово его обдуманно и весомо, осязаемо; чувствуешь, что за ним стоит огромный шолоховский мир, пережитое, выстраданное, сокровенное. Оттого-то он и немногословен, больше любит слушать, чем говорить. Он, может быть, как никто, знает цену слову. В шолоховском слове и любовь, и нежность, и юмор, и, если он не навидит, яд.

Время пролетело незаметно. Мы встали. Михаил Александрович жмет нам руки. И на прощание — неповторимый автограф на «Тихом Доне».

Василий ВОРОНОВ,
станция ВЕШЕНСКАЯ.

Соб. кукельтара, 1981, 30 июня